

Отрывки из книги Михаила Простякова "ПРИЗВАН В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ..."

**МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ПРОСТЯКОВ
(1916-2010)**

Михаил Простяков закончил Великую Отечественную младшим лейтенантом медицинской службы. Он прошел всю войну от первого до последнего дня. Воевал на Ленинградском фронте, в Карелии, под Новгородом, участвовал в боях на территории Норвегии. Михаил Иванович оставил интересные воспоминания о своем боевом пути, о боях за Ленинград, Новгород, Карелию. Особенно интересны и ярки, а местам трогательны страницы, посвященные боям за Норвегию, малоизвестным эпизодам Петсамо-Киркенесской операции - штурму города Никель в октябре 1944 года и рейду советских войск на Наутси, в ходе которого были освобождены узники находившихся на территории Норвегии фашистских концлагерей.

Из книги Михаила Простякова "ПРИЗВАН В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ..."

...В ряду победных свершений великой войны Петсамо-Киркенесская операция заняла почетное место. Недаром раньше её называли "Десятым сталинским ударом". На Кольском полуострове была сосредоточена группировка советских войск численностью 97 тысяч человек при 2103 орудиях, 720 самолетах и 126 танках и САУ. В их числе были 100 тяжелых танков КВ-1, которые командующий Карельским фронтом Кирилл Афанасьевич Мерецков специально выпросил у Сталина. Дополнительно к операции привлекались силы Северного флота - ещё 15 тысяч человек и 275 самолетов.

Немцы могли противопоставить нам 53 тысячи человек, 753 орудия и 160 самолетов, танки у них практически отсутствовали. Однако у противника было одно серьезное преимущество. За три года войны на Кольском полуострове фашистами была возведена сильнейшая линия обороны - "Лапландский вал". Он представлял собой глубоко эшелонированную систему долговременных укреплений, развернутую на 90 километров по фронту и до 150 километров в глубину. Правый фланг Лапландского вала доходил до Баренцева моря, а левый упирался в непроходимые топи. На господствующих высотах располагалось множество бетонных дотов, связанных сетями траншей и ходов сообщения. Их дополняли огневые позиции, врезанные в скальный грунт...

<...>

...Гитлеровская верхушка была намерена всеми силами удерживать базы в Северной Норвегии и никелевые разработки в области Петсамо. Отсюда на заводы Рура шло ценнейшее стратегическое сырье, особенно никель и молибден, необходимые для изготовления танковой брони. В портах Лиинахамари и Киркенеса снаряжались в

плавание подводные лодки и боевые корабли, с местных аэродромов немцы в течение многих лет бомбили союзные конвои.

Не ведали мы тогда, что была у немцев еще одна важная причина сражаться до последнего. В норвежском городе Веморке находился секретный завод по производству тяжелой воды. Это был ключевой элемент чудовищного проекта фашистов по созданию атомной бомбы. Гитлер не оставлял надежд на создание "сверхоружия". Обладая им, он рассчитывал переломить ход войны...

<...>

...Для развития наступления в глубину вражеских построений был сформирован второй эшелон фронта. В него вошла наша 83-я дивизия, действующая в составе 31-го стрелкового корпуса. На левом фланге располагались ещё два легких стрелковых корпуса - 126-й и 127-й. Им предстояло осуществить глубокий маневр с обходом вражеских позиций.

Наступление началось ранним утром 7-го октября с мощной артиллерийской подготовки. По немецким позициям за два с половиной часа было выпущено более 100 тысяч снарядов и мин всех калибров. Затем на узком 9-ти километровой участке южнее озера Чапр в атаку пошли пехота и танки. Первым прорвал оборону и вышел на оперативный простор 131-й корпус. Сложнее ситуация развивалась на участке 99-го корпуса. Здесь немцы оказали ожесточенное сопротивление. Из переполненных медсанбатов первой линии ночью к нам потянулся поток раненых. Прорвать вражескую оборону удалось лишь к утру после тяжелого штурма.

Под угрозой полного окружения горные стрелки начали спешно откатываться на запад. Они пытались закрепиться у города Луостари в центре Кольского полуострова. К этому рубежу немецким командованием была выдвинута свежая 163-я дивизия. Но остановить встречный удар 99-го и 127-го корпусов враги уже не могли. 12 октября Луотсари был освобожден советскими войсками. Помню красный флаг над авиабазой, возле которой шли особенно ожесточенные бои. В послевоенные годы этому аэродрому суждено было еще раз отметиться в истории. Здесь в Заполярье конце 50-х годов перед полетом в космос служил Юрий Гагарин. Именно в Луостари он получил приглашение в отряд космонавтов...

<...>

...Продолжению боев предшествовала дипломатическая пауза. Условия пересечения нашими войсками границы с Норвегией потребовали особого согласования с союзниками. Северная Атлантика всегда являлась сферой обостренных интересов Великобритании. Англичане сражались в Норвегии в 1940-м году, однако потерпели поражение. В Лондоне во время войны находился в изгнании норвежский король Хокон VII со своим правительством. Вопросы послевоенного разграничения Норвегии стали темой напряженных переговоров, состоявшихся между Сталиным и Черчиллем в Москве в середине октября 1944 года. Верховный сумел убедить английского премьера, что не намерен распространять на Скандинавию свое влияние. Поэтому лишь 18-го октября Ставка дала Мерецкову "добро" на продолжение операции.

В те дни мне, конечно, были неведомы перипетии столь высокой политики. Но было ясно, что пришел наш черед - идти вперед и побеждать! Выдвижение в район Никеля 31-й

корпус начал 18 октября. Весь путь через Луостари до нового рубежа был свидетельством жестокой катастрофы, постигшей немцев в Заполярье...

<...>

...В этот же день на северном фланге Заполярного фронта наши войска освободили город Тарнет и завязали бои на подступах к Киркенесу. Началось освобождение северной Норвегии от фашистов <...>

...С падением Никеля силы 19-го горного корпуса немцев оказались разделенными на две части. Остатки 6-й горнострелковой дивизии откатывались на север к Киркенесу. Остатки же 2-й горнострелковой и 163-й дивизий из Никеля отступали на юг - к поселку Наутси. Нашей 83-й дивизии был отдан новый приказ - преследовать эту группу фашистов вдоль восточного берега пограничной реки Патсойоки. Одновременно по западному, норвежскому, берегу в том же направлении выдвигался 127-й корпус...

<...>

...Петсамо-Киркенесская операция завершилась, но война продолжалась. В ноябре 1944 года фашисты по-прежнему удерживали в центральной Норвегии обширные территории. Там находились сильные сухопутные соединения немцев, действовали крупные авиационные и военно-морские базы. Рядом, в Северной Атлантике, ни на день не прекращались сражения за конвои. Разумеется, Гитлер не мог смириться с потерей ключевых портов Киркенес и Лиинахамари, и не оставлял надежд вернуть их под свой контроль...

<...>

...От Никеля до норвежской границы - рукой подать. Но прямая дорога через Сванвик была разрушена, идти пришлось обходным путем - на север. Норвегия началась за пограничным местечком Стурскуг. Миновали Яр-Фьорд, в Эльвенсе пересекли шаткий понтонный мост. Морской залив шириной метров в 200-300 больше напоминал реку с крутыми каменными берегами. Собственно, это и было устье реки Патсойоки, или по-норвежски - Пасвикэльв.

Местность здесь выглядела гораздо более приветливой, чем полярная тундра. За живописным фиордом дорога сворачивала в густой хвойный лес. На перекрестках сохранились аккуратные немецкие указатели с готическими надписями. Поверх них славяне уже успели приколотить свои таблички: "Хозяйство такого-то", "Дорога туда-то". То и дело попадались группы норвежцев в рыбацких куртках и свитерах. Люди приветственно махали руками, некоторые что-то кричали.

За годы оккупации местные жители здорово натерпелись от немцев и сейчас советских освободителей встречали исключительно радушно. Во время недавних боев норвежцы, не считаясь с опасностью, доставляли наших раненых с передовой в медсанбаты, проводили колонны через горные перевалы. Рыбаки под огнем переправляли бойцов через фиорды на своих моторных ботах...

<...>

...Наш гарнизон расположился в полевом лагере между Хессенгом и Бьерневатном. Поначалу пришлось размещаться в палатках, для обогрева разводили костры. Потом

бойцы понемногу начали восстанавливать здания бывших немецких складов и казарм. Учитывая трудности норвежцев с жильем, командование категорически запретило занимать уцелевшие в округе дома.

...Для своего медпункта я присмотрел подбитый немецкий штабной фургончик. Артиллеристы помогли сдернуть его с развороченного шасси и подтянуть к расположению своим тягачом. На месте мы, что смогли, залатали и подкрасили, толково обустроили печку-"буржуйку". В результате мои хлопоты не пропали даром - в зимние холода добротный "трофей" надежно удерживал тепло.

В довершение я прибил к фасаду щиток с красным крестом в белом круге. Отклик получился скорый и неожиданный. Не прошло и получаса, как прибежал солдат-посыльный: "Товарищ старший лейтенант, к вам "норвег" просится. Что-то говорит, все на этот крест показывает"! Я был несколько озадачен - общаться предстояло без переводчика. Но ответил: "Раз просится, веди сюда".

Через минуту солдат возвратился с высоким норвежцем средних лет. Левая рука его держалась на доморощенной перевязи. По-норвежски я не знал ни слова, равно как и он по-русски. Но немудрено было догадаться - посетитель хотел, чтобы русский медик осмотрел рану. Круговым движением я изобразил, что придется снимать бинты. А это процедура довольно болезненная. Норвежец понял, согласно кивнул. Под повязкой открылось не осколочное ранение, а глубокий, возможно, штыковой порез от запястья до локтевого сгиба. Однако сустав поврежден не был, пальцы и ладонь двигались. Рана у этого парня затягивалась хорошо, угрозы гангрены не наблюдалось. Результат осмотра я прокомментировал "заграничному" пациенту одним немецким словом: "Гут"! Потом тщательно обработал рану, по-своему наложил свежие бинты, сделал удобную перевязь через шею. Норвежец поклонился, прижав здоровую руку к сердцу - благодарил. Потом тон мне провозгласил: "Рюссерне - год"! - "Русские - хорошие"!

В первые месяцы после освобождения своя медицинская служба у норвежцев еще не была налажена. С наших военных складов здешнему отделению "Красного креста" передавались большие партии лекарств, перевязочных материалов и противозидемических сывороток. В Киркенесе был развернут военный госпиталь, где и местному населению оказывалась необходимая помощь.

Однако норвежцы продолжали обращаться и на мой медпункт. Я не отказывал никому, хотя некоторые ситуации оказывались для меня затруднительными. Медицина у них всегда была платной, и многие за услуги настойчиво предлагали вознаграждение - какой-нибудь коврик или наручные часы. Я дипломатично отклонял дары, указывая на погоны - мол, нам, военным, нельзя: "Икке, найн - служба"! По долгу медика и по совести грешно было брать с них чего-либо при такой разрухе - жили норвежцы трудно, впроголодь...

<...>

Король Хокон VII выступил по радио с обращением, в котором дал высокую оценку вкладу нашей страны в освобождение Норвегии от фашизма. Он сказал: "Мы следили с восхищением и энтузиазмом за героической и победоносной борьбой Советского Союза против нашего общего врага. Долг каждого норвежца заключается в том, чтобы оказать максимальную поддержку нашему советскому союзнику".

Хорошие, теплые слова! Подтверждаю - с делами они не расходились. Такое не забывается и через 60 с лишним лет!

О норвежцах у меня остались самые лучшие впечатления. Сдержанный, крепкий народ - перед фашистами головы не склонили. И добро помнят - сейчас в Киркенесе стоит памятник русскому воину-освободителю...

<...>

День Победы я встретил в Киркенесе. Для норвежцев это был двойной праздник, совпавший с полным освобождением их страны. Последний немецкий гарнизон в Осло капитулировал лишь 8 мая 1945 года. Везде развевались флаги - наши и норвежские. Корабли на рейде были украшены пестрыми вымпелами, в воздух летели ракеты и цветные трассы крупнокалиберных пулеметов. На своих ботах рыбаки тоже зажгли полную иллюминацию, включали ревуны.

У нас в гарнизонах салют продолжался всю ночь - каждый палил в воздух, из чего придется. Я тоже сделал несколько выстрелов из своей ракетницы. Потом были песни, пляски под гармошку: "Ура! Победа! Войне конец"!! В этот день я впервые поддался уговорам и выставил на милость победителей десятилитровую баклагу чистейшего трофейного спирта...